

тива *muale-ssā, sūvve-ssā* (с. 165) и в наречии *ajallā* 'во-время' (с. 232).

На с. 126 и сл. приведены порядковые числительные 1—19 и их падежные формы, но не пояснен принцип образования больших (сложных) порядковых числительных.

На с. 162 выясняется, что в окончаниях 2-го лица множественного числа и 3-го лица единственного числа императива долгий гласный не дифтонгизировался. Тем самым необходимо на с. 22—23 дополнить перечень тех форм, в которых долгие гласные выступают в первых слогах.

В связи с происхождением союзов (с. 182) можно было сослаться на диссертацию или статьи Р. Карельсона.

В «Заключении» как основной приводится вывод о том, что в марковском говоре «преобладают черты, характерные для восточных диалектов, а точнее, черты юго-восточного диалекта». Для подтверждения перечисляются 16 характерных для марковского говора черт. Все эти черты действительно встречаются в восточных диалектах финского языка, но некоторые из них распространены шире. Сохранение смычных, замыкающих слог (*kakla, kakra*), является общим даже с карельским и вепским языками, причем в разных словах это явление распространено по-разному: например, *ekle(n)* и *putro* характерны как раз для юго-восточных диалектов финского языка. *ä* в глаголе *tännä* и лабиализация *e* в 3-м лице един-

ственного числа настоящего времени, кроме восточных диалектов финского языка, встречаются в карельском, ижорском и вепском языках. Признак множественного числа *-loi, -lōi* является общим для финских восточных диалектов, ижорского и карельского языков. Утрата *a* и *ä* в окончаниях местных падежей известна на обширной территории Южной Финляндии, включая юго-западные диалекты. В марковском говоре имеются и черты, свойственные именно некоторым юго-восточным говорам: дифтонгизация долгих гласных, образовавшихся в 3-м лице единственного числа настоящего времени, инфинитивные формы *juossa, pessä*.

Ценное приложение к исследованию составляют таблицы склонения и спряжения, а также короткие тексты на анализируемом диалекте.

Работа Л. Кирпу представляет собой систематическое описание фонетики и морфологии малоизвестного говора с историческим толкованием некоторых явлений. Автору удалось определить место исследуемого говора среди других финских диалектов. Содержащиеся в работе данные и выводы помогут в решении проблем истории и диалектологии прибалтийско-финских языков. Материал ее будет непосредственно использован в совместной работе лингвистов Советского Союза и Финляндии «Прибалтийско-финский лингвистический атлас».

АРВО ЛААНЕСТ (Таллинн)

<https://doi.org/10.3176/lu.1990.2.16>

Д. Е. Казанцев, Историческая диалектология марийского языка (Образование диалектов и сравнительно-историческое описание их фонетики). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 1989.

13 ноября 1989 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 в Татарском университете успешно защитил докторскую диссертацию, выполненную в Марийском государственном педагогическом институте им. Н. К. Крупской, Д. Е. Казанцев. Официальными оппонентами были доктор филологических наук А. Лаанест, И. Г. Иванов, М. В. Мосин и А. Кюннап.

Несмотря на то что изучение диалек-

тов марийского языка имеет определенную историю, данный раздел марийского языкознания до сих пор остается мало разработанным. Одной из причин такого положения является большая сложность структуры диалектного языка. Раскрытие ее в историческом развитии — появление диалектных различий, изоглосс в их временном и территориальном аспектах — требует от исследователя пристального внимания как ко внутриязыковым про-

цессам, так и к экстралингвистическим факторам возникновения этой структуры.

Именно этой проблеме — формированию диалектных группировок марийского языка в разные исторические периоды — посвящена рецензируемая работа. Развитие и расширение сферы употребления литературного языка, усиление влияния русского языка на устную и письменную речь всех марийцев постепенно стирают различия между говорами, приводят к исчезновению архаических черт в диалектах. Интенсивное действие внутрилингвистических и внешних (социальных) факторов все больше препятствует раскрытию особенностей языка. Это позволяет констатировать, что выбор темы данного исследования весьма важен и оправдан. Актуальность ее заключается прежде всего в крайней необходимости восстановления истории марийского языка, определения территории формирования марийского народа и его связей с народами других языковых систем. Опираясь на достижения финно-угроведческой науки, тюркологии и общего языкознания, автор провел скрупулезное изучение фонетических процессов образования горного, северо-западного и лугового наречий. Рецензируемое исследование можно рассматривать как продолжение большой работы многих марийских диалектологов, но не просто продолжением. Она представляет собой глубокий сравнительно-исторический анализ обширного диалектного материала, основанный на комплексном применении методов и данных различных наук, содержит ценные сведения и новые факты, необходимые для обоснования ареальной теории этноязыковых контактов между родственными и неродственными народами. Особенностью работы являются ценные теоретические обобщения по формированию и развитию марийских диалектов, связанные с решением проблем происхождения и этнической истории марийского народа.

В работе сконцентрированы и введены в научный оборот письменные документы, данные археологии, этнографии, антропологии, топонимии и огромный диалектологический материал, большая часть которого собрана самим автором в процессе многолетних изысканий. Фактически значительно дополнены и критически обобщены опубликованные теоретические работы по структурно-территориальным

единицам на фонетическом уровне. В результате исследования на материале диалектов марийского языка Д. Е. Казанцев восполнил недостающие звенья в историческом развитии как самого марийского языка, так и взаимодействующих с ним языков. В частности, не претендуя на окончательность выводов, он изложил собственную точку зрения на место и время сложения марийского этноса, связав его с кошибеевским населением на правом берегу Волги.

Структура работы Д. Е. Казанцева логически соответствует развитию ее основной идеи — показать процесс изменения фонетической структуры прамарийского языка и ранних (горного, северо-западного и лугового) диалектов как структурно-территориальных единиц. Она состоит из трех глав, введения, заключения и приложения. Во введении дается характеристика истории изучения темы, источников и методов исследования. В изучении марийских диалектов Д. Е. Казанцев выделяет два периода: дореволюционный и советский. Обращает на себя внимание тот факт, что разработка вопросов марийской диалектологии в советский период интенсивно началась только в 50-е годы. К сожалению, в течение трех-четырёх десятилетий подготовлено мало исследований по данной проблеме. В этом же разделе дается аргументированный анализ достоинств и просчетов в принципах определения и классификации рассматриваемых говоров.

В первой главе «Происхождение марийского языка и образование его ранних диалектов» на основе органического соединения методов и данных археологии, этнографии, антропологии и лингвистики автор приводит новые сведения и аргументы для прояснения проблемы происхождения марийцев и их языка. При этом Д. Е. Казанцев опирается прежде всего на данные археологических исследований, хорошо владеет опубликованными данными. Опираясь на более достоверные сведения в этой области, он приходит к выводу, что для этнического сложения марийцев более благоприятные почвенно-климатические условия существовали на правобережье Волги. Предположения и выводы относительно этногенеза подкрепляются лингвистическим материалом как более достоверным и надежным источником.

Ссылаясь на общие черты марийцев и мордвы в антропологии, этнографии и языках, несмотря на аргументированную критику Г. Берецки в рецензии на книгу «Формирование диалектов марийского языка» (Йошкар-Ола 1985; см. СФУ ХХII 1986, с. 235), автор склонен признать существование определенного периода общности этих народов. Рассмотрев ряд общих черт в языке, он заключает, что лексические, морфологические и фонетические соответствия в марийском и мордовских языках могли выработаться только после отделения их носителей от прибалтийских финнов (с. 48). В данном вопросе рецензент придерживается мнения Г. Берецки, Д. Гено и других исследователей, указывающих на недостаточность языковых данных, подтверждающих отдельную общность мордвы и марийцев. Например, сравнительно-исторический анализ эволюции финно-угорской основы слова в мордовских языках убеждает — мордовские языки имеют больше общих черт в лексике, фонетике и морфологии с прибалтийско-финскими языками. К такому же выводу пришел Д. Т. Надькин, анализируя глагольную основу в мордовских языках. Наличие отдельных названий женских божеств типа мар. *вјд-ава* — морд. *ведь-ава* 'божество воды', мар. *тул-ава* — морд. *тол-ава* 'божество огня' не может служить серьезным аргументом для выделения периода общности данных народов, так как эти божества могли возникнуть у каждого народа независимо как результат всеобщего языческого явления. Известно, что они имеются и у других народов. На наш взгляд, общие антропологические, этнографические и языковые черты у марийцев и мордвы скорее всего следует считать общепермско-угорским или в лучшем случае финно-волжским наследием.

Наряду с анализом общих с мордовскими языками черт, в работе определенное место отводится описанию пермских элементов в марийском языке. Автор выделяет общие лексические, морфологические и фонетические черты, причем более детально рассматривает фонетические.

В последующих разделах главы дается подробное описание образования восточной и западной диалектных зон. Детальный анализ археологических и топонимических фактов позволили автору glu-

боко проникнуть в суть рассматриваемой проблемы, определить направление постепенного расселения марийцев с территории их этнического происхождения. По мнению Д. Е. Казанцева, в начале II тыс. н. э. начался переход с правого берега Волги на левый, вызвавший раскол их относительного единства. Всестороннее изучение рассматриваемой проблемы дает основание делать аргументированные выводы и заключения. Д. Е. Казанцев считает, что к северо-западу на пути марийцев оказались меряне, а к востоку от них обские угры и предки удмуртов. В процессе переселения и соприкосновений со многими народами в марийском языке возникли определенные особенности, ставшие в конечном счете основой для образования диалектных различий.

Вторая глава «Фонетика прамарийского языка» посвящена реконструкции фонологической системы раннедревнемарийского языка, установлению хронологии фонетических процессов, определению условий и причин их появления. Учитывая последние данные финно-угроведческой науки, автор подробно описывает взгляды исследователей на спорные вопросы развития фонетической системы языка-основы. При этом он довольно аргументированно и обоснованно высказывает свое мнение по рассматриваемым проблемам. После дополнительного анализа соответствий прибалтийско-финских долгих гласных в марийском, пермских и мордовских языках Д. Е. Казанцев склоняется к мнению В. Штейнитца о том, что долгие гласные появились в прибалтийско-финском языке-основе после отделения его носителей от остальных финно-угров (с. 120). Заслуживает внимания освещение вопроса о «ключевых языках при исследовании финно-угорского вокализма».

В разделе «Основные типы фонетических изменений в вокализме финно-пермских языков» рассматриваются модификации, типичные для отдельных ветвей родственных языков. Исходя из природы этих изменений, автор делит их на прагматические и синтагматические. Наряду с указанными Дь. Дечи процессами (лабиализацией, делябиализацией и расширением гласных фонем), в работе отмечают удлинение и опереднение гласных.

При описании отмеченных фонетических процессов наряду с марийскими дан-

ными широко используются материалы родственных языков, а также мнения других исследователей.

Рассматривая состав согласных фонем раннедревнемарийского языка, Д. Е. Казанцев приходит к верному выводу о том, что на раннем этапе древнемарийского языка многие фонемные изменения в консонантизме были однотипными с таковыми в родственных языках, а иной характер приобрели позже — под влиянием неродственного (чувашского) языка.

Следует отметить, что история исходного консонантизма в рецензируемой работе рассмотрена весьма детально. В конце главы по всем вопросам сделаны достаточно аргументированные выводы. Исторический анализ состава согласных, а также основных типов фонемных изменений в этой области фонетики дает возможность по-новому взглянуть на формирование многих явлений как в период определенного единства, так и в период расхождения и изоляции близкородственных языков.

Анализу фонемных изменений посвящена третья глава «Фонетика ранних диалектов марийского языка». В позднедревнемарийский период эти изменения, по мнению автора, имели разные ареалы: одни распространялись по всей территории марийского языка, другие не выходили за пределы отдельных районов. По объему данная глава наиболее значительна. В ней проводится всесторонний анализ диалектных различий фонетической системы марийского языка. В области вокализма диалектные различия определены в двух разновидностях: 1) перегруппировке раннедревнемарийских гласных, 2) развитии новых, ранее не известных гласных фонем (редуцированных). В разделах «Гласные полного образования» и «Редуцированные гласные» приводятся корреспонденции всем гласным и подробно описываются причины их возникновения. Прекрасно владея предметом исследования, автор дает критическую оценку взглядам предшествующих исследователей и предлагает свои объяснения происхождения тех или иных явлений. Например, Д. Е. Казанцев приводит убедительные аргументы в отношении ошибочности предположения М. Р. Федотова о вероятности перехода $\bar{a} > a$ в чувашском языке до IX века. При этом он согласен с мнением В. В. Радлова,

относившего это явление к более позднему периоду (с. 252).

Подробный анализ дан в работе и таким основным типам фонетических изменений в области гласных, как веларизация, лабиализация, сужение, опереднение, расширение, редукция и стяжение. Автор приходит к обоснованному выводу о том, что причинами этих изменений являются, с одной стороны, внутренние законы развития языка, с другой — результаты контактирования его носителей с другими народами. Значительное место отведено рассмотрению диалектных различий в области согласных. В двух разделах, посвященных консонантизму, прослеживается развитие состава согласных фонем во всех позициях в слове, а также выявляются основные типы фонетических процессов. В результате фронтального анализа автор в системе консонантизма выделяет два типа фонетических изменений (специальные и общие), определяет их хронологию, причины возникновения и ареал распространения. Неоднородность состава согласных фонем и неравномерность их распределения наглядно представлены в таблице (с. 390). Хорошо аргументированный анализ состава гласных и согласных фонем и связанных с ними фонетических процессов, а также выводы в двух последних главах иллюстрируются таблицами.

Конечно, наряду с достоинствами в рецензируемой работе встречаются спорные моменты и отдельные упущения. На наш взгляд, одной из основных претензий к автору может быть во второй главе чрезмерное увлечение подробным описанием уже известных сведений и взглядов исследователей по исторической фонетике финно-угорских языков — тех процессов в области вокализма и консонантизма, которые не имеют непосредственного отношения к развитию диалектной системы марийского языка: вопрос о гласных $\bar{i}$ и $\bar{e}$ в финно-угорском языке-основе, вопрос о гласном $\bar{y}$ в финно-угорском языке-основе и т. д. Имеются случаи, когда автор на основе единичных языковых соответствий пытается делать широкие обобщения. На с. 205 он отмечает: «С венгерским сближает марийский язык одно лексическое соответствие, в котором произошла деназализация $-nt-$: мар. *лу-до* 'утка' — венг. *lúd* 'гусь' (манс.

lünt, хант. *lont*, фин. *lintu* 'птица')». Автор не всегда последователен в использовании единой финно-угорской транскрипции. Зачастую отдельные фонемы даны в финно-угорской транскрипции, примеры же из марийского, мордовских и других восточнофинно-угорских языков — в других. На с. 44 приводится список лексических соответствий, которые якобы выступают только в марийском и мордовских языках. Однако в этом списке мар. *тений* — морд. *ней* 'теперь', мар. *мо-шташ* 'уставать' — морд. *маштомс* 'иссякнуть (о силе)', как известно, имеют этимологические соответствия и в прибалтийско-финских языках.

В целом же можно констатировать, что Д. Е. Казанцеву удалось успешно решить комплекс проблем, связанных с образованием диалектов и сравнительно-историческим описанием их фонетики. Им учтены многие критические замечания Г. Березки, данные в упомянутой

рецензии на его книгу (СФУ XXII 1986, с. 234—238). Рецензируемую работу с точки зрения марийского языкознания следует признать как решение одной из актуальнейших проблем, как подведение итогов определенного этапа исследований, что имеет существенное значение и для общего финно-угроведения, и для тюркологии. В ней впервые с использованием сравнительных данных родственных и контактирующих языков других систем подробно исследован огромный диалектологический материал, теоретически осмыслены и обобщены новые факты, предложены новые теории о происхождении многих фонетических процессов в историческом развитии марийского языка.

Работа Д. Е. Казанцева — самостоятельное, законченное научное исследование, в котором решена совокупность проблем исторической диалектологии марийского языка и этногенеза его носителей.

М. В. МОСИН (Саранск)

Л. И. Барцева, Полисемия глаголов в марийском языке.
Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1989.

30 октября 1989 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 в Тартуском университете успешно защитила кандидатскую диссертацию Л. И. Барцева. Работа подготовлена в Тартуском университете под научным руководством профессора П. Аристэ. Официальными оппонентами были доктор филологических наук Х. Ыйм и кандидат филологических наук Е. Н. Мустаев.

Проблема полисемии занимает языковедов давно. Многочисленные исследования отечественных и зарубежных лингвистов в этой области не привели пока к полному выявлению природы многозначности, критериев разграничения полисемии и омонимии и путей образования многозначности. В финно-угорском же языкознании лексическая полисемия вообще относится к малоизученным проблемам. Вопросы многозначности в этих языках нашли частичное отражение лишь в учебных пособиях по лексикологии, а также в отдельных статьях, если не счи-

тать монографию Г. И. Баткова о полисемии в мордовских языках.

Лексическая полисемия в марийском языкознании предметом специального изучения не служила, отдельные стороны вопроса лишь фрагментарно рассматривались в научных статьях и вузовских учебниках. Поэтому не случаен выбор темы рецензируемой работы, которая представляет собой первое системное описание полисемии глаголов марийского языка. Автор раскрывает пути образования многозначности слов, выявляет критерии разграничения полисемии и омонимии, показывает внутренние механизмы формирования лексико-семантических вариантов многозначных глаголов движения. Проблеме полисемии она анализирует на фоне достижений отечественного и зарубежного языкознания, при этом привлекая материалы и других финно-угорских языков.

Источником для написания работы послужили довольно богатая словарная